

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Изд. АН БССР. Минск, 1948, 159 стр.

Перед нами книга, писавшаяся в исключительных условиях, в таких условиях, в каких едва ли когда-либо создавалась подобная научная работа. Труд акад. Н. М. Никольского заканчивался в годы Великой Отечественной войны в партизанском краю и является замечательным свидетельством заботы советского народа о науке, проявляемой и в тяжчайшие дни жизни нашей страны.

Книга Н. М. Никольского представляет большой теоретический интерес. Как известно, построение социально-экономической истории Востока вообще и древнего Востока в особенности зависит от правильного понимания социально-экономического характера наиболее древних, исходных ступеней классового общества на Востоке, особенно полно освещаемых обильным документальным материалом, происходящим из древнейших обществ Двуречья. Именно на этом материале с начала 30-х гг. между советскими историками велась дискуссия, в которой акад. В. В. Струве и многие другие советские исследователи подчеркивали рабовладельческий характер древневосточного общества, а акад. Н. М. Никольский и некоторые другие исследователи особенно подчеркивали роль сельской общины на древнем Востоке, ошибочно принимая на первых порах наличие этой общины за доказательство феодального характера общества.

За последнее время точки зрения обеих сторон в значительной степени сблизились. Особенно важно подчеркнуть, что акад. Н. М. Никольский, — как видно, в частности, и из рецензируемой книги, — принял тезис о рабовладельческом характере древневосточного общества, а акад. В. В. Струве, — никогда, впрочем, не отрицавший наличия общины в наиболее древние периоды существования древневосточных государств, — принципиально признал, что, по крайней мере в ослабленном виде или пережиточно, общинные институты существовали во все эпохи истории древнего Востока (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 373—374).

Рецензируемая книга, посвященная по существу вопросу о взаимоотношениях между частным и общинным землевладением в Вавилонии и Ассирии, резюмирует современную позицию акад. Н. М. Никольского в дискуссии и вносит много нового в понимание коренных проблем социально-экономической истории Востока. Книга представляет значительный шаг по направлению к выработке вполне цельной и единой концепции исторического процесса на Востоке.

Обладая рядом достоинств, книга акад. Н. М. Никольского не лишена, как нам кажется, и некоторых серьезных недостатков. Во введении к своей работе («Постановка проблемы», стр. 5—8) акад. Н. М. Никольский дает обзор существующих в специальной литературе — как советской, так и иностранной, — точек зрения на проблему частного землевладения в Вавилонии и Ассирии и его соотношения с общинным. Автор отмечает существование среди ориенталистов трех точек зрения.

Первая из них представлена акад. В. В. Струве. Согласно этой точке зрения, общинное землевладение, хотя и существовало искони в Двуречье, однако уже ко времени древне-авассионского царства (т. е. XVIII в. до н. э.) было в сильнейшей степени ослаблено и занимало в вавассионской деревне лишь второстепенное место. Частное землевладение стояло «на грани полной собственности», которая лишь не была формально закреплена.

Следуя другой точке зрения, буржуазные ученые Швенцнер и Мейснер, модернизируя, вслед за Эдуардом Мейером, древневосточные социальные отношения, вовсе отрицают какое-либо общинное землевладение и видят в Вавилонии лишь частную собственность (царскую, храмовую или индивидуальных лиц) — собственность феодального или даже капиталистического типа.

Третья точка зрения, распространенная в буржуазной науке, представлена трудами ассириологов-юристов: Колера, Лаутнера, Кюка и других. Это направление усматривает в Вавилонии, наряду с частным землевладением, также и общины, семейные или родовые. Однако представители этого направления буржуазной науки совершенно не рассматривают проблем соотношения двух типов землевладения и их генезиса.

Что касается буржуазных исследователей, то характеристика существующих среди них направлений, данная акад. Н. М. Никольским, представляется исчерпывающей, поскольку речь идет о мало-мальски серьезных буржуазных работах¹. Но совершенно недопустимо, что акад. Н. М. Никольский здесь и в других местах книги не отделяет от концепций буржуазных ученых точку зрения акад. В. В. Струве, как известно, впервые правильно, с марксистских позиций определившего формационную принадлежность древневосточного общества.

Собственная точка зрения Н. М. Никольского особо не сформулирована, и автор ограничивается общей ссылкой на теоретические положения Маркса и Энгельса.

Однако предложенная Н. М. Никольским интерпретация положений Маркса и Энгельса, касающихся древневосточного общества, его соображения о том, как следует общую установку Маркса и Энгельса применять конкретно к пониманию одного из древних обществ Азии, а именно к обществу Вавилонии, вызывают возражения.

Общие суждения Н. М. Никольского сводятся к четырем положениям:

- 1) В древнем Двуречье не существовало никакой частной собственности на землю.
- 2) В древнем Двуречье государство было с момента установления классового общества верховным собственником земли.
- 3) В древнем Двуречье существовало как частное, так и общинное владение и пользование землей.
- 4) Частное землевладение не занимало в Двуречье руководящего места.

В какой мере эти установочные положения Н. М. Никольского оправдываются конкретным материалом применительно к древневавилонской истории, — об этом, как известно, среди советских историков-марксистов нет пока еще единого мнения.

Рассматриваемая книга акад. Н. М. Никольского не посвящена специально доказательству этих положений, а ставит, по словам автора, своей задачей ответить на следующие вопросы: исторические истоки права частного землевладения, его развитие и зависимость от условий места и времени, степень его прочности и моменты его упадка и подъема.

Книга делится на три основные главы: «Царское, храмовое и частное землепользование и землевладение в III тысячелетии» (30 страниц), «Частное землевладение и землепользование в эпоху первой вавилонской династии» (52 страницы) и «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье с XIV по VI в. н. э.» (41 страница). Последняя глава включает материал не только Вавилонии, но и Ассирии².

Как мы видим, материал распределен неравномерно. Больше всего места уделено кратковременной (около 300 лет) 1-й вавилонской династии и ранним стадиям общества; тысячелетней истории Ассирии уделено всего 14 страниц, а Вавилонии с XV по VI вв. — 27 страниц, т. е. вдвое меньше, чем Вавилонии XIX — XVI вв. Эту же неравномерность

---

¹ Автор справедливо оставляет в стороне существующие, особенно в среде католических ассириологов, убогие и глубоко реакционные антинаучные концепции «государственного капитализма» и «социализма» в древнем Шумере.

² Поскольку все вопросы, связанные с землевладением в Ассирии, затрагиваются в моей книге, находящейся в печати, в настоящей рецензии я не буду касаться данного раздела.

можно заметить и в отношении использованного материала. Если для первых двух глав документальный материал использован хотя и не с исчерпывающей полнотой (вспомним, что книга писалась в условиях военного времени, когда значительная часть литературы была автору недоступна), но во всяком случае весьма широко, то для последней главы материал использован довольно случайный. Эта глава носит скорее иллюстративный характер, освещая дополнительно уже установленные автором положения, поэтому автор считал здесь возможным обойтись без разбора основных сводок частноправовых ассирийских документов и целого ряда изданий нововавилонских документов.

Такой подход к изучению общества древнего Двуречья, сделавшийся уже традиционным¹, имеет известное оправдание в том факте, что наиболее ранние периоды существования общества, периоды его генезиса, являются с теоретической точки зрения наиболее интересными. Однако для полноты картины исторического развития желательно будет не менее внимательно проанализировать и позднейшие периоды. Мне кажется, что ссылка автора на живучесть норм старовавилонского права (стр. 8) не является достаточно убедительной в работе, о которой автор вполне справедливо говорит (стр. 7): «Метод моего исследования будет отличаться от формально-юридического метода... Историческая проблема может быть разрешена только историческим методом». Вспомним хотя бы о живучести норм римского права в самых различных социальных условиях. К тому же можно выразить сомнение в справедливости самого положения о неизменности старовавилонского права (как и общества); то же утверждалось и в отношении старовавилонской религии, литературы, искусства, однако новейшие данные расходятся с таким утверждением.

Поскольку, однако, автор не дал подробного анализа общества XV—VI вв., мы также ограничимся для этого периода лишь отдельными замечаниями, а обратим главное внимание на то, что автор считает в своей работе главным.

Самый размер книги (полтора ста страниц) не позволил автору заниматься подробным разбором документов (количество которых исчисляется десятками тысяч), и он по необходимости останавливался лишь на главном и типичном.¹

Начнем со второй главы, посвященной «Частному землевладению и землепользованию в эпоху первой вавилонской династии»

Очень удачно и существенно, что акад. Н. М. Никольский строит характеристику общества I вавилонской династии не столько на основе общеизвестного кодекса Хаммураби, дающего, как никак, неполную и несколько искаженную картину, а на живой хозяйственной практике, как она отражена в деловых документах. При этом автор подходит к каждому документу не узко юридически, с точки зрения возникающих в данной сделке юридических правоотношений, а рассматривает его в контексте как всех аналогичных, доступных автору, документов, так и особенно в контексте всей хозяйственной деятельности данного контрагента. Такой подход позволяет автору выяснить ряд чрезвычайно важных сторон общественной жизни Вавилоны этой эпохи. Выясняется, что по документам, связанным с земельной собственностью, имелось, в основном, две группы контрагентов: во-первых, жречество и ростовщики и, во-вторых, семейные коллективы. Первая группа чаще всего выступает в роли покупателей земли, вторая — в роли продавцов, что свидетельствует о росте частновладельческих тенденций в ущерб семейно-общинным. В подавляющем большинстве случаев покупателями оказываются богатые семьи. Но и продавцами чаще всего оказываются состоятельные люди. На этом основании акад. Н. М. Никольский делает вывод (стр. 55-56), что «мобилизация недвижимости идет по двум линиям: по линии скупки состоятельными покупателями владений малоимущего крестьянства и мелкого ремесленничества и по линии обмена новой землевладельческой и домо-

¹ Тот же принцип распределения материала в работах акад. В. В. Струве: Очерки по социально-экономической истории древнего Востока, Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока (ИГАИМК, 77) и др.; в работах акад. Н. М. Никольского, Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4, стр. 72 сл.; Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, 1941, № 1, стр. 45 сл. и др.

владельческой группы, состоящей главным образом из жрецов, дамкаров и сановников...», и что при этом «мобилизация земельных владений происходила почти исключительно в среде владеющих группировок, и... вынужденная продажа крестьянами своих земель была весьма редким явлением». Вывод весьма важный для понимания истории вавилонского общества, хотя, как мы укажем ниже, вместо «весьма редким» мы были бы склонны, исходя из приводимого автором материала, сказать не столь категорично: «сравнительно более редким».

Следующий, весьма интересный, раздел этой главы посвящен «Характеру права частного владения и его источникам». Подробно разбирая факты вавилонского наследственного права, как на основании кодекса Хаммураби, так и на основании деловых документов, автор находит важнейший источник права частного владения в праве семейного владения. Из которого частное владение образуется путем разложения домашней (семейной) общины (дар отца, раздел между наследниками¹, приобретение имущества на личные средства). Но все эти явления приводили не к уничтожению семейной общины, а лишь к ее дроблению, к основанию новой семейной общины. В этом случае можно было бы сказать, что частное владение было лишь частным случаем семейно-общинного владения. Самые явления индивидуализации владения наблюдаются почти исключительно «в городской среде, в среде жрецов, дамкаров и отчасти царских сановников» (стр. 73).

Автор убедительно показывает, что в старовавилонский период речь может идти лишь о частном индивидуальном владении, а не об индивидуальной собственности; насколько слабее освещен автором вопрос о том, являлось ли и семейное владение действительно только владением, а не собственностью. Автор считает, что право семейного владения ограничивалось сельским общинным правом владения и верховным царским правом собственности, ссылаясь на то, что в пределах частных (или семейных) владений по приказу царя, по видимому, выделялись участки для царских кормленщиков; мне кажется, однако, что материал писем, привлекаемых здесь Н. М. Никольским, недостаточно ясен и не позволяет сделать в данном случае такого вывода.

Следующий раздел, посвященный «Удельному весу частного землеуладения и частного хозяйства в экономике древневавилонского царства», содержит яркую, весьма интересную и поучительную картину хозяйства одного из крупных вавилонских земледельцев. Но выводы этого раздела базируются в значительной степени на статистических подсчетах, которые кажутся весьма шаткими. В основе этих подсчетов лежит сравнение числа дошедших юридических частноправовых документов этой эпохи, которые Н. М. Никольский исчисляет в 1250, с числом хозяйственных документов, дошедших из царских и храмовых архивов III тысячелетия до н. э. (по Н. М. Никольскому, 20—25 000)². Исходя из этого сравнения, акад. Н. М. Никольский делает заключение о незначительной распространенности частных хозяйств. Исходя далее из того, что в доступных ему изданиях (далеко не исчерпывающих материала)³ ему известно — по арендным сделкам, письмам, договорам купли-продажи и т. д. — всего 128 крупных владельцев полей и садов, и желая установить их общее число для всей Вавилонии, акад. Н. М. Никольский произвольно учетверяет эту цифру. В результате он приходит к заключению, что «общее число более

¹ Отметим, что «двери», входящие часто в состав разделяемого имущества, — не «завески или покрывала вроде драпри» (стр. 62), а деревянные дверные створки, которые и сейчас на Востоке рассматриваются как движимое имущество и вывозятся при оставлении дома.

² Обе цифры много ниже действительности, особенно если учесть неизданный материал в музеях и новейшие издания. В одном только Стамбульском музее хранится до 100 000 неизданных документов III династии Ура. Почти все известные документы происходят из полудесятка случайных пунктов и не дают полной картины для всей страны.

³ Список изданий старовавилонских писем и документов охватывает в настоящее время не менее 40 названий; из них не более $\frac{2}{3}$ учтены в сводном издании документов Шорра и писем Унгнада.

или менее крупных, по древневавилонскому масштабу, частных землевладельцев определится кругло только цифрой 500 лиц. Для тогдашней Вавилонии с населением от 3 000 000 до 3 750 000 человек эта цифра, конечно, совершенно ничтожная» (стр. 76). Таким же способом делается вывод о том, что крестьянские земли «весьма редко» поступали в продажу. Подобным же статистическим методом, очевидно неприемлемым, акад. Н. М. Никольский пользуется и в дальнейших частях своей работы.

С нашей точки зрения, число дошедших частноправовых документов не может быть сравниваемо с числом официальных документов. В первом случае дело идет о частных архивах, хранившихся в частных же домах и лишь изредка при храмах; такие архивы только случайно попадают археологам, ибо городские жилые дома раскапываются обычно лишь траншеями или «на пробу», а не целыми площадями, как храмы, а сельские усадьбы вообще ни разу еще не были обнаружены; лишь самая ничтожная, может быть, миллионная часть исчезнувших под землей Вавилонии развалин домов раскопана, а в раскопанных домах лишь в ничтожном количестве случаев обнаруживаются сохранившиеся нетронутыми в течение тысячелетий архивы; часть табличек находят в мусоре, в забутовках старых помещений и т. д. Поэтому процент найденных частноправовых документов по сравнению с когда-то существовавшим общим числом, безусловно, очень низок. Наконец, несомненно, что многие частные хозяйства вообще не имели никакой документации.

Напротив, во втором случае дело идет о случайно сохранившихся более или менее целых архивах, благодаря постигшей храм катастрофе, упорядоченных фондах архивов, где по крайней мере 90% документов было посвящено внутренней хозяйственной отчетности, которая в частных хозяйствах вообще не велась. Сравнивать количество документов в архивах этих двух совершенно различных типов методически неправильно, а потому неправильно и заключать о ничтожном якобы размахе частной хозяйственной деятельности в Вавилонии.

Если даже считать, что найденные документы из тех и других архивов представляют одинаковый процент хозяйств того и другого типа по сравнению с их общим числом во всей древней Вавилонии, то и в этом случае число засвидетельствованных документами хозяйств надо увеличить не в четыре, а по крайней мере в сто раз. До нас дошло от III тысячелетия частично или полностью 8 официальных архивов (из Ура, Шурuppака, Лагаша, Уммы, Дрехема и Гасура и в небольшом количестве документы из Адаба и Киша). Между тем раскопано уже несколько десятков храмов, а по названиям известны сотни. Надо думать, что и семьи, ведшие более или менее крупные частные хозяйства в древневавилонское время, из которых по документам нам известно полторы-две сотни, на самом деле были в сотни, а возможно, и в тысячу раз многочисленней.

Автор приходит в отношении общества старовавилонского периода к следующему выводу: царь не имеет в это время личного полевого хозяйства, развивая главным образом скотоводство в южных областях; храмы также не имеют особо крупных полевых хозяйств; отдельные жрецы занимаются ростовщичеством, а также скупкой земли и домов; основная масса земли находится во владении сельских общин, делящихся на семейные общины; среди жречества, сановников и верхушки общинных «вождей» имеются частновладельческие тенденции, однако частновладельческий сектор ничтожен; отдельные лица (младшие братья и другие лица, по той или иной причине оторвавшиеся от общины) идут на царскую службу, получая земельное кормление от царя, преимущественно из общинной земли.

Эту картину, с нашей точки зрения, необходимо модифицировать, во-первых, путем признания значительно большего значения частновладельческого сектора. Во-вторых, необходимо отметить, что, если семейная община является вполне ясным и важным фактором в земельных отношениях этого периода, то того же нельзя сказать о сельской общине; в какой мере сельская община могла осуществлять (и осуществляла ли вообще) владельческие права по отношению к землям входивших в нее семейных общин, остается неясным. Мы знаем лишь, что сельская община существовала как административная и, вероятно, фискальная единица и имела собственные земли под выгонами и общественными постройками.

Важнейшим выводом этой главы, вносящим существенно новый элемент в понимание

древневосточного общества, является обнаружение роли и значения семейной общины и семейного владения землей.

К разобранной главе примыкает первый раздел следующей главы, посвященной касситской эпохе. Автор дает здесь весьма любопытный и яркий очерк вавилонской истории XV—XII вв. применительно к проблемам землевладения. Предполагая, что частные владельцы времен Хаммураби были уничтожены в результате войн, автор показывает, как к концу касситского периода царями создается новая прослойка крупных владельцев. Земли им передаются путем скупки царем (повидимому, принудительной) отрезков у общин чрезвычайно усилившихся в этот период, — по мнению автора, за счет притока касситов с их родовым общинным строем. Мне кажется лишь, что автор несколько недооценивает другой источник создания семейных или патриархально-родовых общин касситского периода, а именно за счет роста древневавилонских семейных общин в условиях падения товарности крупных частновладельческих хозяйств и прекращения связанного с товарностью дробления семейных общин.

В рассмотренных разделах своей книги акад. Н. М. Никольский идет новыми, непроторенными путями и достигает поэтому чрезвычайно важных результатов для понимания древневосточного общества.

Следовало ожидать, что акад. Н. М. Никольский, определив коренное значение семейной общины в составе древневавилонского общества и выяснив, что источником частного и семейного землевладения является земля патриархальной общины, для предшествующих периодов обратит главное внимание на патриархальную общину, а не на царское или храмовое хозяйство, так хорошо известное нам по шумерским архивам. Повидимому, автор «справедливо стоит на той точке зрения, что частное землевладение невозможно вывести из частного землепользования («земель кормления»), существовавшего на царской (или храмовой) земле, ибо «земли кормления» вплоть до середины II тысячелетия были неотчуждаемы и могли отбираться царем в любое время. Едва ли когда-либо отдельный пользователь мог стать настолько мощным, чтобы превратить свой участок на неотчуждаемой царской (или храмовой) земле в свое отчуждаемое владение, и документальных свидетельств этому нет. Поэтому изучение царского хозяйства древнего Шумера не может ничего дать для вопроса о происхождении частного землевладения в Двуречье; между тем именно этот вопрос и лежит в центре интересов автора, несмотря на более широкое название книги.

Однако в первой главе своей работы, посвященной «Царскому, храмовому и частному землепользованию и землевладению в III тысячелетии», автор следовал традиционному, но ошибочному представлению, будто бы хозяйство, отраженное шумерскими храмовыми архивами, охватывает в с е хозяйство государства того времени. В пределах царского (или храмового) хозяйства, конечно, нет места для патриархальных общин; поэтому между картинками, рисуемыми первой и последующими главами книги, существует логический разрыв, и первая глава книги, с нашей точки зрения, вызывает наибольшее число возражений.

Следуя за огромным большинством ассириологов, автор пишет (стр. 9): «Из III тысячелетия до н. э. в нашем распоряжении имеется очень немного документальных данных, свидетельствующих о купле-продаже недвижимого имущества, и почти все такие документы относятся к эпохе III династии Ура». Таково, действительно, мнение многих специалистов, видящих в период до династии Аккада только документы царского или храмового хозяйства, а чуть ли не древнейшим памятником [купли-продажи земли считающих обелиск Маништусу, совершенно неожиданно рисующий совсем иную картину социальных отношений, чем документы Лагашского храмового хозяйства. Н. М. Никольский склонен даже считать документы о купле земли из Шуруппака, опубликованные Гюро-Давжэном в «Recueil des Tablettes Chaldéennes» (и, очевидно, аналогичные документы, опубликованные Даймелом в «Wirtschaftstexte aus Fara»), относящимися также к династии Аккада, несмотря на данные стратиграфии и палеографии, относящие их ко времени до династии Ур-Нанше (Ур-Нины) в Лагаше. Такая точка зрения, уже высказывавшаяся Вайднером и Кристианом, в настоящее время должна быть совершенно оставлена. В связи с этой точкой зрения акад. Н. М. Никольский пишет (стр. 20): «...в эпоху первых

трех веков III тысячелетия¹ еще нет документальных данных, которые свидетельствовали бы о появлении частного землевладения.

От внимания исследователей совершенно ускользнули документы купли-продажи внехрамовой земли, как более поздние, чем шуруппакские (современные династии Ур-Нанше в Лагаше), так и один более ранний. Первые опубликованы еще де-Сарзеном в «*Découvertes en Chaldée*», последний хранится в Филадельфийском музее². Имеется еще ряд подобных же документов и времен Аккадской династии. Эти очень интересные документы делают в значительной степени понятным «загадочный» обелиск Маништусу и показывают, что рисуемые им общественные отношения не являются нововведением времен Аккадской династии, а существовали гораздо раньше и на севере, и на юге Двуречья. Эти документы совершенно обойдены специальной литературой, и Н. М. Никольский также упустил их из виду. Между тем в них-то можно обнаружить данные о крестьянских общинах и о генезисе частного землевладения.

Хозяйство, освещенное документами храма богини Бау времени последних правителей династии Ур-Нанше (Ур-Нинны) — Энетарзи, Лугальанды и Урукагины, — рассматриваемое как хозяйство всего Лагашского государства, представляется автору устроенным следующим образом.

Часть полей выделена как «поля патеси»³, или «поля на содержание патеси». «Категория полей патеси, — пишет автор (стр. 11), — не нуждается в комментариях, поскольку патеси являлся верховным владельцем всех земель своего патесиата. Данная категория обнимает собою, конечно, уголья, выделенные специально для царского и дворцового хозяйства».

«Надпись о реформах Урукагины, — пишет далее автор (стр. 12), — прямо и недвусмысленно говорит, что до этого патеси не было храмового хозяйства, отдельного от хозяйства патеси». Это не совсем точно: надпись говорит, что при непосредственных предшественниках Урукагины поля трех богов: Нингирсу, Бау и Гальалима, перешли во владение «патеси», но что Урукагина восстановил прежнее положение — правда, чисто формально, как справедливо указывает Н. М. Никольский. Мы точно знаем, когда эти три храмовые хозяйства были взяты в прямое управление правителя: это произошло при Энетарзи. Последний был в предыдущее правление верховным жрецом (*sanga*) Нингирсу; унаследовав власть правителя, он оставил за собой и управление данным храмом, а также, вероятно, за своей женой управление храмами Бау и Гальалима. Архив из Лагаша есть архив одного из храмов (богини Бау), управляемых семьей «патеси», на что обычно указывается в литературе; это хозяйство не всегда было царским — как и все храмовые хозяйства, до Энетарзи и при Урукагине оно было, по крайней мере формально, «полем бога». Другие храмы Лагаша продолжали и при Энетарзи и Лугальанде управляться особыми верховными жрецами (*sanga*). Неправильно и предлагаемое Н. М. Никольским толкование «особого счета» земельных участков *Ка-dEn-lil-an-še*, как «обетных земель», посвященных богу Энлилю. Совершенно справедливо еще М. В. Никольский усмотрел в спорном термине теофорное имя собственное (буквальный перевод: «Словес, Энлиля до небес [достигает]»). Речь здесь идет о землях, сдававшихся в аренду (по-шумерски земля *ugu₄-lal* или *APIN-lal*), управляющим которых и был упомянутый Ка-Энлиль-анше⁴.

Далее автор характеризует земли, раздававшиеся в виде кормлений служащим и непосредственным производителям храма или царя (шумерск. «земли *kur₆-ga* или *šuku(m)*). Не вдаваясь здесь в подробности толкования тех или иных текстов, отмечу лишь иное понимание документа (стр. 15—17). В этом документе речь идет не о кормлении

¹ Акад. Н. М. Никольский датирует династию Аккада XXVII в. до н. э.

² Издан у В а r t o n, UR, IX, стр. 11—16.

³ Н. М. Никольский пользуется этим устаревшим, но оставшимся традиционным, термином. Действительное его чтение — «энси».

⁴ См. о нем В. К. Ш и л е й к о. Вотивные надписи шумерийских правителей, стр. XVII; RA XI, стр. 64 сл.

шести лицам, а о шести крупных участках ¹ [(носивших, как обычно бывало в Вавилонии индивидуальные названия), измеренных (mu-gid [1]) по приказу храмовой администрации. Соответственно необходимо изменить и выводы относительно размеров существовавших наделов кормления.

Затем автор справедливо указывает, что доход с земель кормления был совершенно ничтожен по сравнению с общим доходом храма (или царя), и делает неожиданный вывод что «основная масса зерна, поступавшая в кладовые палаты, состояла из обязательных поставок... [зерна] крестьянскими общинами в качестве десятины» (стр. 21). Из поля зрения автора странным образом выпала основная часть храмовой земли, «земля жречества» или «господская» (niĝ-en-na), обрабатывавшаяся теми самыми лицами, которые получали за это в виде вознаграждения земельные «кормления» ². Эта земля не была поделена и не может никоим образом считаться землей отдельных [крестьянских] общин. В нашей литературе вопрос об этой земле был освещен акад. В. В. [Струве] ³; автор рецензируемой работы, выступая полемически против [концепции акад. В. В. Струве, совершенно не цитирует и, повидимому, и не использует ни одной из его работ, содержащих между тем много материала первостепенной важности для разбираемого вопроса ⁴.

Переходя к эпохе династии Аккада, автор кладет в основу характеристики общества этой эпохи обелиск Маништусу — документ о купле царем ряда участков внехрамовой земли ⁵. Благодаря такому, довольно распространенному в свое время приему получается ложное впечатление, будто бы в до-аккадский период существовало только храмовое (или царское) землевладение, а для аккадского периода типичны какие-то иные формы землевладения. Между тем на самом деле и для аккадского периода существуют архивы, совершенно сходные с лагашскими времени Лугальанды и Урукагины и свидетельствующие о храмовом (или царском) хозяйстве, и для до-аккадского периода существуют документы, подобные обелиску Маништусу, свидетельствующие о внехрамовом хозяйстве.

Я не буду детально останавливаться на анализе текста обелиска Маништусу, подробно разобранный в недавней статье акад. А. И. Тюменева (ВДИ, 1946, № 4, стр. 33 сл.). Нельзя не согласиться полностью как с акад. Н. М. Никольским, так и с акад. А. И. Тюменевым в том, что документ трактуется о покупке царем общинной земли. Я хотел бы лишь несколько уточнить понимание отдельных категорий лиц, упомянутых в этом документе. В нем, кроме царя, являющегося покупателем земли, упоминаются:

1. «Владельцы поля» (bêlū eḫlim), находящиеся в родственных отношениях и получающие плату за поле (коллективно) и подарки (индивидуально).

2. В некоторых случаях «братья» — родичи владельцев, не состоящие в непосредственном владении отчуждаемых участков.

3. «Старейшины поля» (AB+ĀŠ-AB+ ĀŠ eḫlim), т. е., как разъяснено Кошаке-ром (OLZ, 1936, стб. 151), свидетели, и именно со стороны продавца.

4. 49 «людей Аккада» — свидетелей со стороны царя из числа его приближенных.

¹ То же верно и в отношении документа Delaporte, I, 1400, разбираемого автором ниже (стр. 30 сл.).

² См. об этом подробно в статье акад. А. И. Тюменева, Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины, ВДИ, 1948, № 1.

³ Именно эту землю имеет в виду акад. В. В. Струве, когда он говорит о «храмовых землях, принадлежавших коллективно территориальной общине Лагаша», ИГАИМК, 77, стр. 41 и многие другие.

⁴ С благодарностью принимая теплый отзыв акад. Н. М. Никольского о моей работе, посвященной землепользованию в Шумере (ВДИ, 1939, № 1/6), я должен все же отметить, что данный вопрос освещался и ранее в советской литературе, см., например, В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, стр. 16 и др.

⁵ Этот факт плохо вяжется с представлением о царе, как верховном собственнике всей земли вообще.

5. Довольно значительное количество лиц, которых «царь будет кормить». Акад. Н. М. Никольский убедительно показывает, что это — персонал, который будет занят на приобретаемых царем землях.

Таким образом, в отличие от акад. Н. М. Никольского и акад. А. И. Тюменева, я рассматриваю категории лиц, указанных в пп. 3 и 4, как свидетелей, а не как управляющих или пользователей землей, и именно на следующих основаниях:

а) Идеограмма $AB + \dot{A}\dot{S}$ имеет значение *šibu*, что означает не только «старейшина», но и «свидетель» (так как генетически это одно и то же).

б) Всякая сделка по вавилонскому праву (начиная с древнейших, из архива Шуруппака) требует свидетелей, а при ином понимании категорий пп. 3 и 4, сделка обелиска Маништусу окажется не имеющей свидетелей.

в) Среди $AB + \dot{A}\dot{S} - AB + \dot{A}\dot{S}$ *eklim* имеются писцы (DUB-SAR) и землемеры (LU_2 -GAN-GID-DA), обычно привлекаемые в качестве свидетелей.

г) Совершенно невероятно, чтобы царь, покупая, как правильно указывает Н. М. Никольский, четыре массива земли в разных местах, поставил бы во всех четырех имениях одних и тех же 49 агентов-управляющих (как толкует категорию п. 4 акад. А. И. Тюменев) или пользователей (акад. Н. М. Никольский). Напротив, совершенно понятно, что свидетелями со стороны царя могла во всех случаях выступать его свита в одном и том же составе.

Переходя к следующему периоду — III династии Ура, акад. Н. М. Никольский констатирует сохранение системы земельных кормлений и уточняет существовавшие здесь порядки¹. Исходя из шумерских законов, он полагает, что частное землевладение в это время уже существовало и пользовалось охраной закона. Полностью соглашаясь с мнением автора, отметим лишь, что совсем недавно было установлено, что так наз. «шумерские» законы относятся не ко времени III династии Ура, а к следующим династиям — Исина и Ларсы. Не можем также вполне согласиться с приводимым переводом одного из законов: «Если кто скажет своему отцу и своей матери: ты не мой отец и не моя мать, — то должен он покинуть дом, поле, сад, рабов, движимое имущество, скот и ему должно быть выдана целиком его доля». Этот закон следует переводить следующим образом: «Если приемыш (?) скажет своему (приемному) отцу и своей (приемной) матери: не мой отец, не моя мать, то он лишается дома, поля, сада, всех рабов и имущества (?), и этого приемыша (?) следует продать за полную цену».

Мы не будем подробно останавливаться на весьма интересном разделе, посвященном нововавилонскому землевладению. В этом разделе автор совершенно справедливо, как мне кажется, указывает на тот факт, что частновладельческие тенденции, весьма усилившиеся в это время в Вавилонии, ограничены в общем городскими и торгово-ростовщическими кругами, а в среде крестьянства (в особенности халдейского) весьма сильными остаются патриархальные семьи.

В целом книга акад. Н. М. Никольского, несмотря на неудачу первой главы (ничего, как мне кажется, не прибавляющей для разъяснения интересующих автора вопросов), дает целостную и во всех своих основных чертах убедительную картину путей возникновения права частного землевладения, его развития, его зависимости от исторических условий места и времени, степени его прочности, моментов его упадка и подъема. Недостатком ее является явное преуменьшение значения частновладельческих отношений и некоторое стремление преувеличить застойность вавилонского общества. Автор цитирует описание государства Великого Могола, принадлежащее известному путешественнику XVII в. Бернье, сделанное через три с половиной тысячи лет после Хаммураби:

¹ Между прочим автор неправильно понял меня (стр. 141, прим. 81 — ср. мою статью в ВДИ, 1939, №1 (6), стр. 61), будто бы я отношу поле Гуэден к фонду Камари в царском хозяйстве Уммы III династии Ура. В документе Babyloniaca, VIII, № 100, на который я ссылаюсь, Гуэден составляет отдельный от Камари и значительно больший земельный фонд; поэтому неосновательны сомнения автора в том, что поле Гуэден содержала более 800 га хорошей земли.

«Обратите внимание на то, что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансебдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жаловании, а также на то, что все земли государства — а это имеет важнейшие последствия — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов и садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить и покупать друг у друга по их усмотрению», и далее автор прибавляет от себя: «*Mutatis mutandis* мы узнаем в этой характеристике знакомые черты владеющей и властвующей верхушки древневавилонского общества. В то же время эта аналогия служит одним из самых лучших показателей специфического застойного характера общественного строя восточных стран как основной черты последнего» (стр. 89). С такой аналогией чрезвычайно трудно согласиться. Где же в древней Вавилонии эти эмиры и мансебдары, наследником которых является царь. Да и сама верховная собственность царя на землю сложилась, вероятно, не сразу, а в результате длительного процесса, и для древнейших периодов истории Двуречья должна еще быть показана на основании бесспорных источников.

В заключение позволим себе остановиться на некоторых мелочах филологического и исторического порядка.

Автор, по традиции, применяет в ряде случаев устаревшие чтения шумерских и аккадских слов и имен (Нина вместо Нанше, Энлитарзи вместо Эне(н)тарзи, Ниниб вместо Нинурта, Лакти вместо Ритти, Рамман вместо Адад); на стр. 29 бог Лугальбанда ошибочно назван «богом города Марада, Лугалем». По техническим условиям встречающиеся шумерские и аккадские слова даны в упрощенной транскрипции, без диакритических знаков, но и в этой транскрипции не мало опечаток; так «эмфатическое» *k* (Q) передается то как *q* (*ischqu*), то как *k* (*eklu*); встречаются описки типа *merieschtim* вместо *mereschtim* (очевидно, под влиянием транслитерации по знакам: *me-ri-eš-tim*), *KIS-LAX* вм. *KISLAX* и т. п. Имеются опечатки, совершенно искажающие выражение (например, *makkur bitu* вместо *makkur bīt abim* — кстати, такое чтение и соответственное понимание данной идеограммы сомнительно) и др. Нельзя согласиться с некоторыми этимологиями: мн. ч. *kipute* (лучше *qêrûte* от ед. ч. *qêru*) производится от глагола *kpt*, *i(z)zazu* «они будут стоять [гарантировать]» производится от глагола *zāzu* «делить» (стр. 146, прим. 159); неприятное впечатление создает цитирование вавилонских слов не в имен. падеже ед. ч., а в первой попавшейся форме (в род. падеже ед. ч. — *merieschtim*, *ilkim*, *rabim* — в *status constructus*'е — *makkur*.) Таких филологических небрежностей довольно много, и в столь важной работе следовало бы избежать. Следует отметить слишком строгий суд автора над выдающимся покойным русским ученым И. М. Волковым (стр. 145), перевод которым законов Хаммураби сыграл важную роль в русской науке.

Некоторые датировки автора, касающиеся шумерского периода, требуют уточнения в свете новейших хронологических изысканий.

Отметим три исторические неточности: общество Нузи (Нузу) не следует относить к «хурритской части Ассирии» (стр. 99). Ни в разбираемый, ни в предшествующий период область Нузу не принадлежала к Ассирии, будучи впервые записана ассирийцами не ранее 1360 г. до н. э.; наместник Нузу Купшихарбе — не митаннийский наместник (стр. 100), а, судя по его имени, касситский. Далее, на стр. 116 говорится, что царь Вавилонии Мардук-апал-иддин II (Меродах-Баладан), будучи вассалом Ассирии, не мог предоставлять свободы от дарских податей и повинностей, что было прерогативой ассирийского царя. Между тем Мардук-апал-иддин II был одним из злейших врагов Ассирии и никогда не был ее вассалом.

Подобные мелкие погрешности, как и известная неполнота использованных материалов, не снижают ценности работы акад. Н. М. Никольского, созданной в необыкновенно трудных условиях и бесспорно являющейся событием в нашей литературе по истории древнего мира. Она бросает новый свет на важнейшие теоретические вопросы истории и является значительным шагом вперед советской исторической науки.

И. Дьяконов